

Е.Н. Шульга

Здоровье в контексте философско-исторического анализа

Философия здоровья — важный элемент философско-мировоззренческой составляющей современной научной картины мира. Формирование полноценной *философии здоровья* подразумевает, в первую очередь, определение места этого нового формирующегося направления исследований в системе научного знания. Конечно, центральное место понятие здоровье занимает в медицинских дисциплинах, нацеленных не столько на исследование того, что составляет собственно здоровье человека, сколько на нездоровье, т.е. на определение (диагностику) болезней и их лечение. Поэтому я не буду рассматривать феномен здоровья как медицинский показатель и критерий состояния человеческого организма или определять место концепции здоровья в системе медицинского знания. В центре моего исследования — выявление философских аспектах понимания здоровья человека как оно складывалось исторически. Я буду рассматривать те наиболее интересные концепции человека, которые являются традиционными для тех или иных философских и культурно-исторических традиций и при этом оказываются важными для реализации целей обоснования современной философии здоровья.

Главным аргументом в пользу необходимости и своевременности обоснования философии здоровья является признание современной наукой целостности понятия *образа жизни*, а также отношение к образу жизни как к важному фактору сохране-

ния здоровья человека и нации в целом. При этом важно учитывать, что *образ жизни* — это также и философское понятие, восходящее еще к той отдаленной от нас исторической эпохе, когда так называемый европейский рационализм еще только складывался.

К слову замечу, что характерной особенностью начального этапа формирования европейского рационализма является становление такого понятийного аппарата, в котором нет строгого разграничения на философский, конкретно-научный и обыденный смысл используемых понятий и категорий. Напротив, уже самые первые опыты метафизического обобщения состоят в удержании вышеназванных смыслов как наиболее удобных для конструирования и обоснования того или иного философского положения или целой концепции. Так Платон, пытаясь придать метафизический смысл понятию *благо*, не мог обойти вниманием онтологический статус этого понятия. Поэтому «*Блага, — согласно Платону, — бывают троякого рода — иными из них можно обладать, в иных соучаствовать, а иные существуют сами по себе. Первые — это те, которыми можно обладать, например, справедливость и здоровье*»¹.

Таким образом, «обладание, соучастие и существование само по себе» выдвигаются Платоном в качестве основных онтологических (бытийных) характеристик блага.

Для нас важно здесь обратить внимание на тот смысл, который Платон придает рассматриваемому нами понятию «здоровье». Итак, здоровье — это то, чем *можно обладать*, которому можно *соучаствовать* (т.е. способствовать сохранению и поддержанию) и которое может *существовать само по себе*. При этом, сравнивая здоровье со справедливостью, а точнее говоря, уравнивая значения этих разных по смыслу понятий, Платон явно указывает на степень их участия в понимании сущности того, чем является благо. И если *здоровье* сродни *справедливости* и оба эти понятия в равной степени важны для понимания того, что есть благо, то и здоровье, и справедливость (сами по себе) также являются благом.

Рассуждая дальше о том, что представляется благом, а что является злом для человека, Платон указывает на такие полезные, или как он их называет, дополнительные средства в

постижении правды, как сила, здоровье, здоровые чувства, т.е. все то, что составляет телесность. Философ подчеркивает, что без всей совокупности этих главных качеств даже мудрец не будет счастливым!

Изучая тексты мыслителей прошлого с целью выявления разнообразного смысла, придаваемого понятию здоровья, и уточняя характеристики всего комплекса условий, которые его предполагают, не трудно заметить следующие обстоятельства. В тех случаях, когда мы имеем дело с определенными концепциями и/или целыми философскими школами, то в этих концепциях само понятие здоровье (в его чистом виде) предстает как обладающее достаточно ясным смыслом; оно оказывается концептуально обоснованным, и ему отводится совершенно определенное место в ряду других понятий и категорий. Это актуальное понятие возрастает до уровня философски значимого и даже оказывается включенным в структуру всего философского учения, развиваемого в рамках той или иной конкретной философской школы. При этом на обыденном уровне здоровье каждого отдельного члена группы предстает (и рассматривается другими) как выражение адекватности воспринятого им философского учения в отношении утверждаемого и развиваемого образа жизни.

Например, пифагорейский союз (существовал в VI–VII вв. до н.э.) представлял собой одну из форм мистерий, главной тайной которого было учение о переселении душ, заимствованное из орфизма. Принадлежность к пифагорейскому союзу выражалась для его членов не только в постижении тайного смысла философского учения Пифагора и его последователей, но предполагало, прежде всего, участие в мистериях. Как и у орфиков, сакральной целью пифагорейцев было освобождение души путем очищения от круга рождений и возвращение ее к первоначально божественному состоянию. Однако новый смысл учения пифагорейцев состояло в том, что они ограничивались пониманием этого пути только как очищение души от влияния тела посредством участи в мистериях, как это было у орфиков. А надо отметить, что орфики допускали к участию в мистериях только тех адептов (посвященных), которые постигли истинный смысл и предназначение этих мистерий, а именно – как

пути к освобождению. Пифагорейцы же стали рассматривать путь в ином контексте — как **очищение души посредством занятий наукой и музыкой и очищение тела упражнениями и врачебным искусством**. Тем самым врачевание приравнивалось ими к искусству и овладение искусством врачевания представлялось важным этапом в постижении смысла философского учения через приобщение к нему посредством занятий музыкой и конкретной деятельностью в сфере науки. Врачевание являлось частью деятельности философов — самих приверженцев и последователей пифагорейской философии, как в отношении самих себя, так и по отношению к другим членам школы.

Что касается характеристики рассматриваемого понятия здоровье и тех первоначальных попыток придать ему статус философского понятия, то интересно обратить внимание на определение тех оснований, из которых исходит в своих рассуждениях сам Пифагор. Так о здоровье он рассуждает как о ценности непреходящей и безусловной, стоящей в одном ряду с другими природными качествами человека.

Согласно Пифагору, существуют вещи, обладание которыми и приобретение которых не подвластно человеку. Ценность их такова, что «одни похвальные качества, например силу, красоту, здоровье, храбрость, невозможно разделить с другим человеком, другие же, такие как богатство, власть и многое другое, чего мы не перечисляем, растрачивающий утрачивает сам, но образование можно и разделить с другим человеком и, дав его другому, самому не утратить его... Вообще именно образованием отличаются люди от животных, элины — от варваров, свободнорожденные — от рабов, философы — от простых людей»².

Пифагор учитывает то обстоятельство, что даже самые умудренные из философов — это всего лишь люди, а природные данные у всех людей различны. Пифагор развивает эту идею, претворяя ее в практике обучения. Так, опираясь на принцип доступности изложения материала, он, тем не менее, предлагает использовать два разных метода, два разных подхода в обучении на том основании, что уровни восприятия знаний у людей различны и то, что приемлемо для одной группы учеников,

не годится для другой группы. Он выделяет в особую группу *пифагорейцев* (настоящих последователей), других же называет *пифагористами* — это те, которые проявляют внешнее рвение.

Природное различие людей — различие их природных склонностей и дарований — предполагает использование различных методов обучения. Но поскольку все ученики философской школы вольны собираться вместе для занятий, то тем самым сохраняется дух самой школы (сохраняется право владения совместной собственностью, сохраняется и развивается идея равенства и не нарушается принцип справедливости). Именно принцип справедливости следует рассматривать как важное (цементирующее) концептуальное положение в формировании философии данной школы. Справедливость, по Пифагору, — это то, что помогает определить место человека в сообществе и обучать, не унижая его человеческого достоинства.

Ямвлих в сочинении «О Пифагорейской жизни» (3 в. до н.э.) приводит сведения о существовании двух видов пифагорейской философии, потому что было два вида тех, кто ею занимался: это акусматик и математик. Философия акусматиков представляет собой изречения без доказательств и без объяснений, содержащие указания на то, *как* следует поступать. Все акузмы (т.е. устные предписания) делятся на три вида: одни отвечают на вопрос, что это такое, другие — что является лучшим, третьи — что следует делать или не делать. Акузма второго вида, приписываемая адептами и исследователями к высказываниям самого Пифагора, выглядит так:

«Что самое мудрое вокруг нас?» — «Искусство врачевания.»

«Что самое прекрасное?» — «Гармония.»

«Что самое могущественное?» — «Мысль.»

«Что самое лучшее?» — «Благополучие.»

Каждая из акузм отвечает на вопрос, что обладает наибольшим качеством в этой последовательности категорий.

Обращая внимание на искусство врачевания, следует иметь в виду, что под врачеванием здесь подразумевается не только лечение тела, но и врачевание души, поскольку согласно пифагорейцам именно проблемы души являются источником болезней тела. Более того, в данном контексте под искусством

врачевания подразумевается приведение в состояние гармонии любое нарушение системы, будь то здоровье, душа, государство, природа.

Кроме того, вся пифагорейская школа, как сообщает Ямвлих, «осуществляла то, что они называли «настройкой», «музыкальным сочетанием» и «прикосновением», соответствующими мелодиями с пользой сообщая душе эмоции, противоположные ее состоянию». «Были случаи, когда они излечивали чувства и некоторые болезни, как говорят, настоящим пением (то есть заклинанием), и, вероятно, отсюда и вошло в употребление это понятие «заклинание». Так Пифагор ввел в употребление исключительно полезный способ исправления человеческих нравов и образа жизни с помощью музыки³.

Приведу теперь фрагмент из «Пифагорейских Золотых стихов», где речь идет о здоровье вообще, и в первую очередь — о понимании здоровья, о значении здорового образа жизни для философа:

Должно оставить беспечность, коль дело пойдет о здоровье.

Меру важно во всем соблюдать — в еде и напитках

И в упражненьях для тела, и мера есть то, что не в тягость.

Гиерокл (V в. н.э.) комментирует этот фрагмент, предостерегая от чрезмерного чревоугодия; он призывает заботиться о теле и не пренебрегать им, если оно страдает от болезней. Мера же — это принцип, связывающий состояние тела с мыслительными способностями души и имеющий целью подобающее для философа здоровье.

«Поэтому, — пишет Гиерокл, — философ будет выбирать такие телесные упражнения и пищу, которые не сделают тело слишком тучным и не будут ставить его выше мыслительной деятельности. Его цель — не просто тело, но тело, которое служит разуму. Гимнастические упражнения стоят на третьем месте, потому что они исправляют насыщение и готовят к тому, чтобы вновь вести здоровый образ жизни. Таким образом, они поочередно сменяют друг друга — еда и упражнения, упражнения и еда. Правильный образ жизни дает возможность упражнять свое тело, а соответствующие занятия гимнастикой способствуют здоровому образу жизни. В каждом из них своя мера, поскольку забота о теле для каждого служит собственному образу жизни⁴.

*Яства, сказал я, оставь те, что я указал в очищениях
И в избавление души...*

Стихи говорят о мере в еде и напитках, запрещая их избыток и недостаток и приветствуя среднее и соразмерное. Аналогичное требование касается умения управлять чревоугодием, сном, вожделением и гневом.

К слову замечу, что на эту тему рассуждал и Диоген. Его сердило, что люди при жертвоприношении молят богов о здоровье, а на пиру после жертвоприношения объедаются во вред своему здоровью.

Итак, все правила, касающиеся здорового образа жизни и сформулированные еще пифагорейцами, были обращены в первую очередь к тем, кто занимается философией, кто имеет склонность к философии. Соблюдение же этих пифагорейских заповедей призвано содействовать развитию любой души, идущей к добродетели через философствование.

Согласно пифагорейской концепции человека мудрый человек не относится пренебрежительно к здоровью; он не считает тело самым главным (или единственным) объектом внимания, но управляет им ради пользы души. В том числе тогда, когда соблюдает определенные запреты, на которых настаивают пифагорейцы. Например, не есть мясо, поскольку это сопряжено с пресечением жизни животного; не есть бобы. И в этом случае также есть свое объяснение. Дело в том, что боб, напоминая человеческий зародыш, ассоциируется с первородностью. Кроме того, и мясо, и бобы — это так называемая тяжелая пища, трудная для усвоения и затрудняющая очищение организма.

Но не будем забывать также, что для пифагорейца *очищения разумной* (части) *души* — это деятельность в области математических наук, а *возвышающее избавление* — это диалектическое созерцание существующего. Призыв Пифагора в равной мере заботиться и о теле, и о душе — это по сути дела призыв к самосовершенствованию. Отсюда — требования, выдвигаемые к становлению философа как особой личности (сначала развитие умозрительного начала в человеке — ума, а затем только следует допускать практическое начало — действие, т.е., по сути, творчество в сфере философии).

Целостную картину философской концепции и миропонимания пифагорейцев завершает принципиально новое отношение к изменяющемуся предмету философии: философия возрастает до уровня социально значимой (предтеча социальной философии!) и подразделяется на гражданскую философию, связанную с постижением общественных законов и философию, связанную с таинствами (городскими культами).

Вершиной развития философии (в сфере индивидуального становления адепта через приобщение к знаниям и погружение в совершенно определенный образ жизни) является созерцательный ум; **серединой** философии – гражданский ум и **третьим – ум, связанный с таинствами**. Развитием всех этих начал в человеке завершается пифагорейское обучение.

Не только сохранению здоровья как ценности, но и воспитанию здорового образа жизни уже в древности уделялось самое большое внимание. Например, Диоген, воспитывая сыновей Ксениада, обучал их кроме всех прочих наук ездить верхом, стрелять из лука, владеть пращей, метать дротики. Он велел закалять их, но лишь настолько, чтобы дети отличались здоровьем и румянцем.

Придавая значение развитию ума и отдавая должное внимание гармоническому развитию ума и тела, направляя усилия на поддержание здоровья, греки, тем не менее, не рассматривали оба эти качества как единственно важные составляющие человеческой добродетели.

В частности, Зенон в трактате «О человеческой природе» подчеркивал мысль о том, что такие качества, как здоровье и мужество, встречаются даже у дурных людей. Однако он настаивает на том, что здоровье и силу следует рассматривать как сосуществующие с умом. А это делает категорию здоровья рядоположенной таким философским понятиям и категориям, как добродетель, как понимание и даже как справедливость.

Развивая идею блага и противопоставляя ее злу, некоторые греческие мыслители рассматривали блага как выражение добродетели, к которой относили: понимание, справедливость, мужество, здравомыслие. При этом они противопоставляли и оценивали как зло все то, что им противоположно: неразумение, несправедливость и т.д.

В особую понятийную сферу греческие мыслители и философы относили все, что, по их мнению, не приносит ни пользы, ни вреда. К такого рода понятиям они относили: жизнь, здоровье, наслаждение, красоту, силу, богатство, славу, знатность, равно как и их противоположности: смерть, болезнь, мучение, уродство, бессилие, бедность, бесславие и тому подобное. (Так пишут, в частности, Гекатон, Аполлодор в «Этике», а также Хрисипп).

Все эти философы разделяют указанные понятия и соответствующие им характеристики на то, что предпочтительно («предпочтительное»), и то, что следует избегать («избегаемое»), а также выделяя в особую сферу все то, что, не являясь ни тем ни другим, является тем, что они называют особым термином — «надлежащее» — сюда стоики относят и здоровье.

Надлежащее, по словам стоиков, — это то, что имеет разумное оправдание (например, жизнь). Поэтому, согласно грекам, **безусловно надлежит, например, заботиться о здоровье, об органах чувств и т.п.** Впрочем, многие не уверены, что для счастья довольно одной добродетели, но считают, что надобно и здоровье, и денежные траты, и сила⁵.

В целом, исходя из природных качеств человека, его личностных, индивидуальных предрасположенностей и предпочтений, наконец, учитывая изменчивость природы человека, греки приходят к убеждению, что саму категорию здоровья следует отнести к факторам, обладающим такого рода предрасположенностью и общей изменчивостью, какими предстают также болезнь, сон, бодрствование, радость, печали, молодость, старость, отвага, страх, недостаток, избыток, вражда, любовь, жар, озноб, дыхание — то есть все то, что не противоречит природе. Тем самым категория здоровья получает собственную характеристику, и ее смысл уточняется через участие других, близких по значению категорий. Определение одного понятия через другое и/или совокупность других или иных понятий свидетельствует о стремлении мыслителей к систематизации знания в этой области. При этом философское отношение к феномену здоровья, которое мы обнаруживаем уже в наиболее древних концепциях миропонимания, обращение к этим философским кон-

цепциям, может дать современным исследователям хорошие образцы встроенности концепции здоровья в предмет философии в целом.

Примечания

- ¹ *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 180.
- ² *Ямвлих*. О Пифагоровой жизни. М., 2002. С. 42.
- ³ Там же. С. 77–78.
- ⁴ «Пифагорейские Золотые стихи» с комментарием Гиерокла. М., 2000. С. 76–77.
- ⁵ *Диоген Лаэртский*. Цит. соч. С. 307.